

УДК 324

*Е.В. Крылов***РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС 2016–2017 гг.:
ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫБОРОВ
В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)**

В статье рассматриваются общие тенденции и особенности регионального электорального процесса 2016–2017 гг., которые оказали большое влияние на текущий политико-партийный и управленческий ландшафт страны. Изучение особенностей развития политических событий актуально в свете предстоящих выборов Президента РФ, прямых выборов глав 17 субъектов РФ и выборов депутатов в законодательные собрания 16 субъектов РФ.

Ключевые слова: выборы, электоральный процесс, губернатор, Государственная Дума, Государственный совет УР, избирательная кампания, политические элиты, явка избирателей.

Институт разделения властей и избирательная система с функционирующими нормами права и процедурой выборов обеспечивают законную смену власти в государстве. Регулярно обновляющиеся элиты, свободная конкуренция различных политических сил, понятные электоральные правила составляют неотъемлемые элементы демократических режимов. Выборы в них представляют собой законный способ прихода к власти политического субъекта (в рамках функций менеджера, распоряжающегося властью с согласия народа), реализуют репрезентацию мнений и интересов избирателей, сглаживают социально-политические конфликты, активизируют гражданский потенциал, являются «реальным механизмом репродукции народовластия» [1. С. 71]. Актуальные задачи российского государства связаны с укреплением политической системы и ее институтов, формированием новой модели экономики, социальной стабильностью, адекватной реакцией на внешние вызовы и угрозы. В условиях последовательного и системного решения этих задач достижение легитимности действующей власти не выглядит сложным делом.

Региональная проекция электорального процесса современной России ставит перед исследователями множество проблемных вопросов, касающихся структурирования электорального пространства, учета текущих и долговременных, внешних и внутренних факторов, влияющих на него. В тех или иных аспектах они поднимаются в ряде работ отечественных политологов, социологов, политических географов: Р.Ф. Туровского, А.А. Балаян, А.В. Глуховой, А.С. Ахременко, Н.В. Гришина, А.В. Кынева и др. Сам электоральный процесс может рассматриваться в более широких границах, нежели избирательный процесс, включающий нормативно-правовое и политологическое понимание. Оба они входят в структуру политического процесса, но если избирательный представляет собой организационно-правовую, институциональную форму реализации конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, то электоральный процесс включает широкие связи мира политического – отношения, субпроцессы, дискурс, события и ситуации, возникающие в ходе взаимодействия политических субъектов по поводу борьбы за власть.

Целью статьи является изучение факторов, особенностей развития политических событий и явлений, связанных с формированием выборных органов государственной власти и должностных лиц, взаимодействием федеральных и региональных политических субъектов в ходе парламентских и губернаторских выборов 2016–2017 гг. (на примере Удмуртской Республики). Актуальности этому добавляет предстоящие в 2018 г. выборы Президента РФ и прямые выборы глав 17 субъектов РФ.

Общие особенности электорального процесса

Рядом авторов подчеркивается тенденция в электоральном процессе последних десятилетий, касающаяся повышения управляемости электоральным процессом со стороны федеральной власти с целью обеспечения стабильности системы, получения контроля над властными институтами [9. С. 185; 2, С. 113–117]. В целом это выразилось в появлении управляемых партий (которых в рамках избирательных кампаний можно использовать в качестве «спойлеров»), лояльных губернаторов, стабильности правящей элиты, предсказуемых результатов выборов. Федеральные и региональные

политические элиты не были заинтересованы в реальной конкуренции «по правилам» и старались уменьшить риски неконтролируемого голосования. Важнейшими инструментами подобных изменений стали законодательные механизмы, которые в итоге усилили позиции «Единой России» как партии власти, ставшей важнейшим политическим институтом, связывающим центральный и региональный уровень власти [3. С. 17]. В частности, в период 2003–2007 гг. были ужесточены организационные требования к партиям, отменены губернаторские выборы, повышен заградительный барьер на выборах в Государственную Думу с 5 % до 7 %, отменена возможность голосовать «против всех», отменен порог явки, запрещена агитация против соперников на телеканалах и т. д. [6]. К этому следует добавить увеличение требований к численности политических партий (с 10 до 50 тыс.), приведшее к сокращению числа партий с 46 до 7, существенное усложнение правил инициирования общероссийского референдума, а также запрет депутатам, избранным от партий, выходить из состава фракции, переходить в другие фракции и в другие партии.

Предсказуемость политических процессов привела к росту протестных настроений 2011–2012 гг., после которых намечается обратная тенденция путем частичных уступок со стороны власти: снижение минимальной численности партий, восстановление выборов глав регионов, снижение заградительного барьера на выборах в Государственную Думу РФ, возвращение смешанной избирательной системы.

Следует выделить правовые и регламентирующие новшества, появившиеся в преддверии электорального цикла 2016–2017 гг.

1. Существенное увеличение числа субъектов избирательного процесса – политических партий. Ранее, в 2011 г., в выборах депутатов Государственной Думы РФ могли принимать участие 7 партий, в выборах 2016 г. имели право принимать участие 75 партий.

2. Впервые в новейшей истории России федеральные парламентские выборы прошли в третье воскресенье сентября, день голосования был перенесен с декабря, что изменило конфигурацию избирательных кампаний, которые проводились в сезон массовых летних отпусков.

3. Новая лепестковая нарезка избирательных округов в регионах, где образовалось более одного избирательного округа: произошло дробление территории крупных городов между несколькими избирательными округами вместо образования компактных городских округов (увеличило логистические издержки проведения кампаний, исказило представительство интересов в округах).

4. Ужесточение порядка предоставления пакета документов для выдвижения (сведения о принадлежащем кандидату, его супруге и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, сделках, судимости и др.).

5. Установление судебного порядка отстранения членов комиссии и удаления наблюдателей и иных лиц, требующий предварительного судебного решения об установлении факта нарушения ими законодательства о выборах.

6. В связи с истечением срока полномочий прежнего состава был сформирован новый состав ЦИК России. Обновление составило 60 % от прежнего состава, включая назначение нового Председателя ЦИК России [4].

Избирательная кампания 2016 г. проходила на фоне политико-экономических, институциональных кризисных проявлений, что выразилось в сравнительно невысоком уровне общественной поддержки большинства государственных и общественных институтов, вызревании протестных настроений против существующей власти. С момента применения пропорциональной избирательной системы в 2007–2011 гг. в обществе накопилась усталость от безликих политических брендов и бесменных политических лидеров, размывания идеологических платформ. Возник запрос на обновление кадрового состава, по словам некоторых исследователей, запрос на меритократию, т. е. отбор на конкурентной основе лучших и их выдвижение в органы власти всех уровней [7. С. 22–26]. Причем это касается потребности в адекватном представительстве различных социальных групп и слоев общества – врачей, учителей, инженеров, молодежи.

Участники электорального процесса 2016 г. отметили, что при значительном увеличении числа кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам (с 1690 в 2003 г. до 2142 в 2016 г.), число зарегистрированных кандидатов-самовыдвиженцев существенно сократилось: с 1341 до 304. Активные участники политической жизни делали выбор в пользу выдвижения от политических партий, что подтверждает неопределенное развитие партийно-политической системы, повышение ее потенциала [8. С. 6]. С другой стороны, скептическое восприятие населения и низкий уровень общественного доверия к системным политическим партиям в России позволяют говорить и о кризисных тенденциях.

Да и идеологический и, соответственно, партийный спектр сегодня представлен в ограниченном виде: коммунизм, демократический социализм, центризм, национализм, отчасти национал-консерватизм и экономический либерализм. Очевидно, что в ближайшем будущем необходимость трансформации существующих политических партий, идеологического измерения и практического наполнения их региональной деятельности встанет с особой остротой. График, изображающий количество зарегистрированных субъектов избирательного процесса за всю историю проведения выборов в современной России, представляет собой синусоиду, максимальный пик которой (139 партий) приходится на 1999 г., а минимальный (7 партий) – на 2011 г. (рис. 1). Реальное число субъектов электорального процесса, допущенных до участия в выборах, оказалось ниже и также демонстрирует слабые связи с явкой избирателей. И если в 1990-е гг. выборы были более идеологическими, с высокой степенью поляризации электората, то сегодня идеологические разногласия перестают интересовать избирателей, обращающих своё внимание на решение местных проблем. При этом корреляции между числом зарегистрированных избирательных объединений, политических партий и явкой избирателей не обнаруживается.

Рис. 1. Соотношение принявших участие, имеющих право участвовать в выборах избирательных объединений и партий, явки избирателей [5]

Выборы высших должностных лиц субъектов РФ, ставшие возможным в 2012 г. после внесения изменений в избирательное законодательство, в рамках действующего политического режима актуализировали ряд тенденций, которые сегодня наиболее ярко характеризуют федеральную кадровую политику 2016–2017 гг.:

- 1) повышение управляемости электоральными процессами со стороны центра;
- 2) снижение статуса губернаторов, которое низводит их до технической роли в региональном процессе (регулярные уголовные дела по обвинениям в коррупции, внезапные отставки, ставка на чиновников из других регионов);
- 3) активное формирование образа молодых «губернаторов-технократов», нацеленных на решение экономических и инфраструктурных задач регионов;
- 4) внешнее сходство избирательных кампаний назначенных врио губернаторов (ознакомительные визиты в районы, генерирование новых идей, написание программ развития, презентация инфраструктурных проектов на всероссийских и международных форумах, внедрение шаблонных успешных практик, приглашение федеральных персон и т. д.);

5) активное использование административного ресурса при отсутствии жесткого варианта мобилизации электората для сглаживания противоречий и роста легитимности результата на выборах;

6) отсутствие конкурентных кампаний, вызывающих пристальный интерес специалистов и самих избирателей, что также выражается в показателях конкуренции между двумя основными соперниками (процентам отрыва), в эффективном числе кандидатов (табл. 1, 2);

7) прочность позиций «Единой России» на фоне ослабления других партий и роста популярности внесистемных оппозиционных движений;

8) муниципальный фильтр свидетельствует о потенциальной договороспособности элит на фоне возможности «партии власти» влиять на состав кандидатов, отсекая неудобные фигуры.

Таблица 1

Уровень конкуренции на выборах глав субъектов РФ в 2016 г.

Субъект РФ	Результат победителя, %	Результат кандидата, занявшего 2 место, %	Разрыв, %	Индекс Лааксо–Таагепера
Чеченская Республика	97,94	0,84	97,1	1,04
Тыва	85,66	5,00	80,66	1,34
Тульская область	84,17	7,53	76,64	1,4
Тверская область	72,1	14,74	57,36	1,81
Коми	62,17	10,53	51,64	2,39
Забайкальский край	54,39	28,74	25,65	2,6
Ульяновская область	54,33	25,46	28,87	2,7
<i>Среднее значение</i>				1,9

Таблица 2

Уровень конкуренции на выборах глав субъектов РФ в 2017 г.

Субъект РФ	Результат победителя, %	Результат кандидата, занявшего 2 место, %	Разрыв, %	Индекс Лааксо–Таагепера
Республика Мордовия	89,19	4,18	85,01	1,24
Республика Марий Эл	88,27	5,06	83,21	1,28
Республика Бурятия	87,43	5,15	82,28	1,3
Пермский край	82,06	7,49	74,57	1,47
Калининградская область	81,06	8,89	72,17	1,5
Рязанская область	80,16	8,44	71,72	1,53
Ярославская область	79,32	8,61	70,71	1,57
Удмуртская Республика	78,16	8,73	69,43	1,61
Саратовская область	74,63	16,28	58,35	1,69
Севастополь	71,05	16,42	54,63	1,86
Белгородская область	69,29	15,95	53,34	1,96
Новгородская область	67,99	16,17	51,82	2,01
Кировская область	64,03	18,99	45,04	2,19
Свердловская область	62,16	11,64	50,52	2,42
Республика Карелия	61,34	18,05	43,29	2,37
Томская область	60,58	19,38	41,20	2,35
<i>Среднее значение</i>				1,77

На протяжении 2016–2017 гг. в ряде регионов прошла череда отставок, что было связано с негативными показателями социально-экономического развития и с коррупционными скандалами. Пришедшие им на смену руководители в большинстве своем не имели опыта участия в выборах и публичной политической деятельности, однако зарекомендовали себя в других сферах управления, отличались высокой лояльностью к высшей политической элите, обладали определенной автономией в принятии решений на местном уровне. С другой стороны, текущая модель губернаторских выборов позволила сохранить и популярных и эффективных губернаторов, несмотря на их длительное пребывание у власти.

Политическая конкуренция на выборах глав субъектов РФ определяется наличием на территории соперничающих политико-экономических акторов, за которыми стоят не только конкретные группы избирателей, но и представители элитных группировок. Факт назначения врио губернаторов Президентом РФ перед выборами искусственным образом консолидирует местные элиты вокруг новых фигур, хотя и не избавляет их от ошибок управления, социальных конфликтов, критического информационного фона. Вместе с тем назначаемые врио губернаторы так или иначе представляют интересы различных групп федеральных элит, имея связи с общественно-политическими, экономическими их структурами (в частности, А.В. Бречалова связывают с группой влияния председателя Государственной Думы РФ В.В. Володина, М.Г. Решетникова – с мэром Москвы С.С. Собяниным). Поэтому важнейшей задачей новых руководителей становится выстраивание новой властно-управленческой вертикали в регионе, налаживание диалога с политическими партиями и экономическими элитами.

В 2016–2017 гг. выборы глав субъектов РФ сопровождалось рядом текущих тенденций, свидетельствующих о снижении интереса к выборам со стороны избирателей, падении уровня конкуренции:

1) синхронизация губернаторских выборов с Единым днем голосования в 2016 г. и выборами в Государственную думу РФ не привела к заметному повышению активности избирателей по отношению к среднероссийским показателям;

2) в ряде национальных республик (Чеченская Республика, Тыва, Мордовия, Марий Эл, Бурятия) доминирование основных кандидатов было подавляющим на фоне отсутствия там публичной политической конкуренции и критики их деятельности, что было зафиксировано в низком значении индекса Лааксо–Таагепера, приближающемся к единице (табл. 1, 2).

3) состав основных претендентов существенно обновился, увеличилось число назначенных глав из федеральных структур и органов власти других регионов;

4) активное использование потенциала новых медиа (аккаунты в соцсетях, телеграм-каналы, видеоконтент).

В целом необходимо отметить повышение управляемости региональных выборов со стороны федеральной власти, что заметно по снижению средних значений индекса Лааксо–Таагепера с 1,9 в 2016 г. до 1,77 в 2017 г. Формальный показатель числа зарегистрированных кандидатов, который увеличился с 4,6 до 4,7 кандидатов на регион в среднем, не позволяет судить о реальной конкуренции (табл. 3).

Таблица 3

Количество выдвинутых и зарегистрированных кандидатов на высшую должность субъекта РФ за 2012–2017 гг.

Год	Количество выборов глав	Выдвинулось кандидатов	Средняя	Зарегистрировано кандидатов	Средняя	Отказы в регистрации
2012	5	32	6,4	22	4,4	7
2013	8	92	11,5	40	5	15
2014	30	207	6,9	138	4,6	23
2015	21	142	6,8	99	4,6	3
2016	7	41	4,9	32	4,6	2
2017	16	107	6,69	75	4,7	7

Особенности электорального процесса в Удмуртской Республике

Электоральный процесс в Удмуртской Республике находился под влиянием внешних и внутренних факторов. К внешним условиям можно отнести социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, модели взаимоотношений федеральных и региональных институтов, групп влияния. К внутренним – условия, связанные с местной политической ситуацией, состоянием элит, с электоральной культурой, применяемыми избирательными технологиями.

Общие черты федерального и регионального электорального процесса в 2016 г. проявились в доминировании политической партии «Единая Россия», слабой конкуренции со стороны оппозиционных системных сил, росте регионального абсентеизма, слабой информированности граждан о ходе подготовки и проведении выборов. Среди других общих тенденций следует упомянуть:

- преобладание мобилизационного участия в голосовании, связанного с организацией партиями и кандидатами высокого уровня вовлеченности избирателей; в частности, это проявляется в ведении партийных проектов (у «Единой России» они совпадают с государственными программами в социальной сфере, у остальных партий относятся в основном к защите прав);

- отчетливо партийный, обезличенный выбор как в части голосования за списки, так и за конкретных кандидатов («брендовое голосование»), а также корреляция количества голосов, поданных за кандидата от парламентских партий с партийной поддержкой в округе;

- небольшое количество конкурентных кампаний в избирательных округах, вызывающих пристальный интерес экспертов и самих избирателей, что также выражается в показателе конкуренции между двумя основными соперниками (процентам отрыва);

- электоральное разочарование избирателей в институте выборов как опосредованной возможности решить местные проблемы, что выражается в падении явки, которая коррелирует с федеральной тенденцией (рис. 2);

- периферийный характер голосования за партию «Единая Россия», устойчивая ее поддержка жителями сельской местности (в 24 избирательных комиссиях из 35 партия получила поддержку выше средней по региону). По-прежнему важную роль играет формула «протестный город – конформистское село».

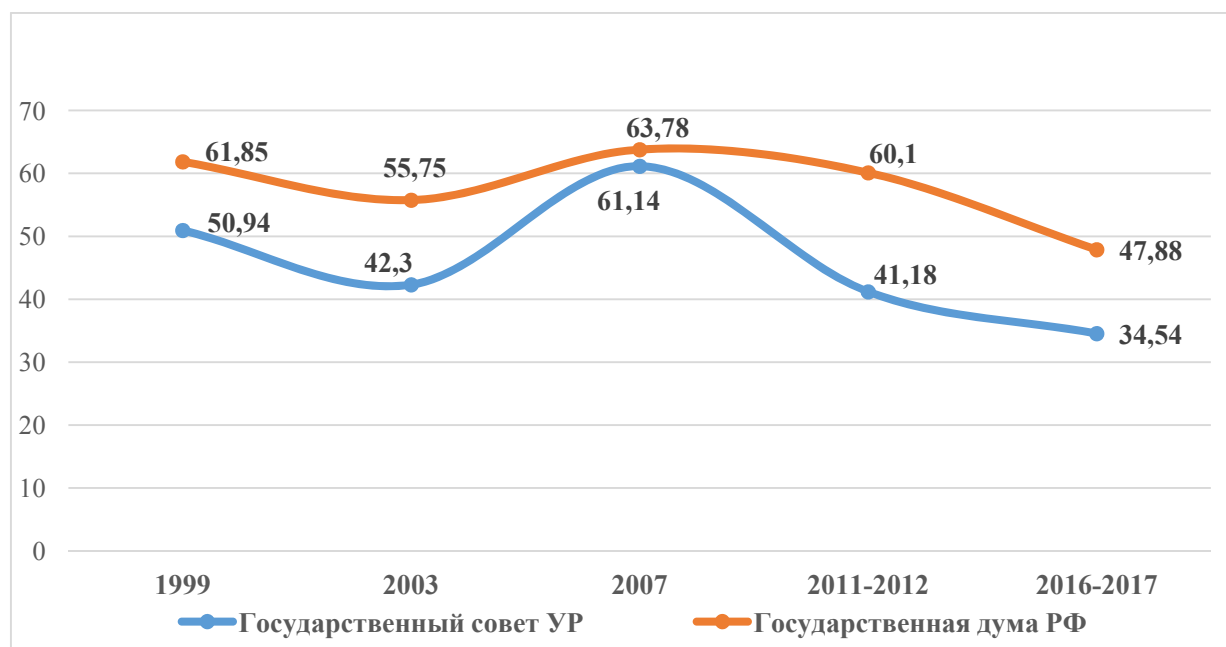

Рис. 2. Явка избирателей на выборах в Государственную Думу РФ и Государственный совет УР в 1999 – 2017 гг., в % от общего числа избирателей

Вместе с тем важной особенностью, размывающей общий тренд, стало появление новых политических партий, к которым примкнули представители экономической элиты региона. В частности, список «Партии Роста» возглавил крупный предприниматель А.А. Чулкин, который стал инициато-

ром различных информационных поводов федерального и регионального масштаба. Благодаря агрессивной кампании ему удалось обойти всех политических оппонентов (18,25 %), кроме кандидата от «Единой России» А.Е. Загребина (43,47 %) в Удмуртском одномандатном округе № 33. Можно утверждать, что такая поддержка элитами непарламентских партий является определенным запросом на конкурентность выборов.

Избирательная кампания 2016 г. сказалась на трансформации региональной политической системы, внутриэлитных отношениях, взаимодействии властных и общественных институтов. В преддверии выборов в Государственный Совет УР были подготовлены и проведены электоральные и институциональные изменения. В феврале 2017 г. прежний состав регионального парламента принял решение о сокращении числа депутатских мандатов в 1,5 раза – с 90 до 60. Это коснулось и «нарезки» 30 избирательных округов по новой лепестковой системе: в Ижевске – 12 одномандатных избирательных округов, в Глазове, Сарапуле, Воткинске – по 2 округа, в Можге – 1 округ, 11 одномандатных избирательных округов образованы путем объединения 2-3 сельских районов. Также снижен порог, который нужно преодолеть партиям, чтобы претендовать на мандаты: если раньше он составлял 7 % голосов, то теперь – 5 %.

Важнейшим фактором электорального процесса стал арест Главы УР А.В. Соловьёва и назначение врио Главы УР А.В. Бречалова, до этого возглавлявшего Общественную палату РФ. Именно он возглавил избирательную кампанию в регионе. Предвыборная кампания в Государственный совет УР прошла в спокойной обстановке, что выразилось в отсутствии значимых конфликтных ситуаций в электоральном дискурсе.

«Единая Россия» использовала электоральный потенциал врио главы УР как локомотив своей кампании. Такая агитация под соусом текущей профессиональной деятельности врио Главы УР А.В. Бречалова (ознакомительные визиты в районы, генерирование новых идей, внедрение успешных практик, приглашение федеральных персон) в результате усилила партийные позиции и частично позиции кандидатов-одномандатников (рис. 3). К тому же новый метод распределения депутатских мандатов – метод империи – традиционно позволяет партии-фавориту отобрать несколько мест у партий-аутсайдеров. Надо учитывать, что «Единая Россия» провела ротацию своих кандидатов, сделав упор на социально значимые группы, а также молодежь. Что в итоге и позволило «Единой России» усилить позиции (63,16 %, 47 мандатов из 60). Важным результатом стало обновление депутатского корпуса более чем на 40 %.

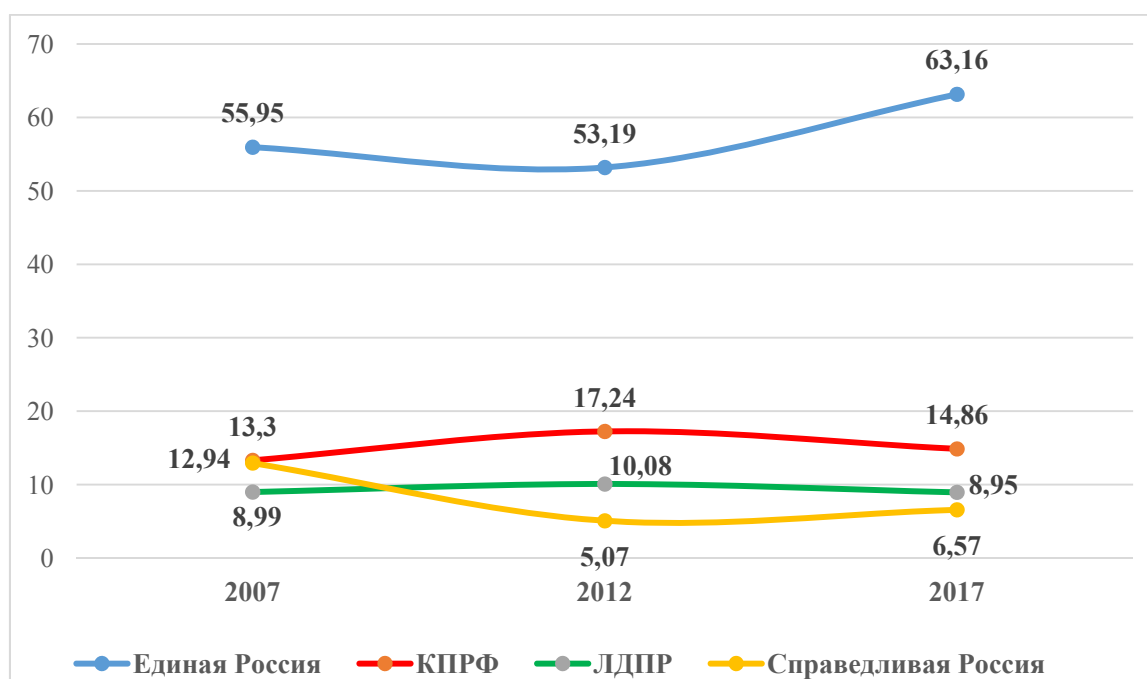

Рис. 3. Динамика электоральной поддержки партий Государственного совета УР в 2007–2017 гг., в % от числа проголосовавших избирателей

КПРФ, раздираемая внутренними конфликтами, которые вылились в информационное пространство, сдала свои позиции (14,86 и 5 мест). Также ухудшила свои позиции по сравнению с 2012 г. ЛДПР (8,95 и 2 места). «Справедливая Россия», благодаря активности своего лидера Ф.А. Юнусова, чуть улучшила позиции (6,57 % и 2 мандата). В целом следует отметить ослабление позиций парламентских оппозиционных партий (КПРФ, ЛДПР) по сравнению с 2012 г., что явилось следствием внутривыборных противоречий, негативного информационного фона, отсутствия системной работы на низовом уровне, новых запоминающихся лидеров, ярких избирательных кампаний (рис. 3).

На выборах Главы УР было подано 8 заявлений от кандидатов партий «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, КПСС, «Партия возрождения России», «Партия налогоплательщиков России», ПАРНАС. Причем последние три кандидата не были зарегистрированы из-за не прохождения ими муниципального фильтра. Прогнозируемая победа А.В. Бречалова (78,16 %) возвела Удмуртскую Республику в число регионов с высокой управляемостью электорального процесса со стороны центра и низким уровнем конкуренции на выборах (индекс 1,61). В то же время необходимо отметить и преимущества избирательной кампании основного претендента, незнакомого для большинства жителей УР: современные и технологичные форматы взаимодействия с населением и институтами гражданского общества, обновление управленческих кадров, широкая презентация экономических, имиджевых, туристических, инфраструктурных возможностей региона на федеральных и международных площадках, приглашение федеральных персон в рамках анонсированных инициатив и проектов, пристальное внимание к проблемам и нуждам малого и среднего предпринимательства и др. В то же время заданный высокий темп во время избирательной кампании вынуждает А.В. Бречалова и его управленческую команду в поствыборный период бросить все силы на достижение запланированных показателей и реализацию данных обещаний.

Можно отметить, что выборы представляют собой важнейший институт, который, несмотря на современный имитационный характер в региональном электоральном процессе, обладает потенциалом демократической трансформации политической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Близняк Р.З. «Электоральный процесс» vs «избирательный процесс»: к вопросу об оптимизации понятий // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 2.
2. Верёвкин А.И. Электоральный процесс в современной России: неопределенность vs «управляемость» // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 4.
3. Выборы в современном мире: институты, процессы, технологии / Н.М. Беляева, А.Б. Боярова, А.В. Гилев, М.В. Григорьева, М.А. Завадская, В.С. Ковин и др. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013.
4. Институционально-политические особенности российских выборов 2016 года. Доклад Комитета гражданских инициатив от 26.04.2016 // Сайт Комитета гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2802> (дата обращения: 22.01.2018).
5. Источник данных: сайт ЦИК РФ (cikrf.ru).
6. Любарев А.Е. Соответствуют ли российские выборы своему конституционному предназначению // Право и политика. 2013. № 13.
7. Петухов В.В. Выборы в Государственную Думу России на фоне институционального кризиса // Власть. 2016. № 7.
8. Реализация и защита прав граждан Российской Федерации. Мониторинг реализации и защиты избирательных прав граждан Российской Федерации на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года. Доклад Российского общественного института избирательного права. М.: РОИИП, 2016.
9. Рыбчак П.Н. Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 185.

Поступила в редакцию 28.12.17

E. V. Krylov

THE REGIONAL ELECTORAL PROCESS OF 2016–2017: FACTORS, TRENDS, FEATURES (ON THE MATERIALS OF ELECTIONS IN THE UDMURT REPUBLIC)

In the article general tendencies and peculiarities of the regional electoral process of 2016 – 2017 are considered, which had a great influence on the current political, party and administrative landscape of the country. The study of the specif-

ics of the political events development is relevant in the light of the forthcoming elections of the President of the Russian Federation, direct elections of the heads of 17 constituent entities of the Russian Federation and the election of deputies to the legislative assemblies of 16 constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: elections, electoral process, governor, State Duma, State Council of the Udmurt Republic, electoral campaign, political elites, voter turnout.

Крылов Евгений Валерьевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
политологии и политического управления
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: krylov82@mail.ru

Krylov E.V.,
Candidate of History, Associate Professor at Department
of Political Science and Political Governance
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: krylov82@mail.ru